

Научная статья
УДК 327
doi: 10.54398/1818510X_2023_1_74

ФАКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ПАТРИОТИЧЕСКИХ УСТАНОВКАХ ШКОЛЬНИКОВ СИБИРИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Казанцев Дмитрий Анатольевич

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия
dimkazanchev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7287-6413>

Аннотация. Сегодня всё громче звучит голос тех, кто поддерживает внешнюю политику российского государства, и в меньшей степени того, кто её осуждает. О том, что думают молодые люди в регионах о внешней политике России на современном этапе, известно не так много, особенно после принятия государством соответствующих норм административного и уголовного права. На материалах опроса, проведённого среди учащейся молодёжи старших классов в Сибирском федеральном округе, автор статьи приходит к выводу, что сознанию школьников 9–11 классов свойственны черты как «слепого», так и «конструктивного» патриотизма. В то же время, чем младше молодой человек, тем выше вероятность, что он разделяет ценности патриотизма вслепую. И наоборот, с возрастом личность в некотором приближении оказывается более критичной к ценностям патриотизма, а он приобретает гражданский и (или) гибридный характер. Однако начатая в 2022 г. Россией Специальная военная операция на Украине внесла в данное положение свои коррективы. Поскольку в настоящее время по сравнению с 2020 г., как показывают результаты выполненного анкетирования, возросло количество сторонников осуществляемого РФ внешнеполитического курса, постольку отношение к определённым патриотическим установкам также подверглось трансформациям. Например, в 2022 г. респонденты стали чаще себя идентифицировать с россиянами, больше доверять органам публичной власти, считать себя патриотом и гордиться страной. Тем не менее, если рассматривать патриотические установки школьников через призму поддержки и неподдержки ими внешней политики России, всё становится менее однозначным: с одной стороны, происходит поляризация школьного сообщества, а с другой – тренд на побег или уход не только от ответов на непростые вопросы, но и от политики.

Ключевые слова: патриотизм, молодёжь, внешняя политика, патриотические ценности, патриотические установки, опрос, идентичность, слепой патриотизм, конструктивный патриотизм, школьники

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00346 «Фактор патриотического воспитания в конструировании гражданской идентичности старших школьников регионов Сибирского федерального округа в условиях информационного общества».

Для цитирования: Казанцев Д. А. Фактор внешней политики России в патриотических установках школьников Сибири на современном этапе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 1 (74). С. 74–78. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_1_74.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

THE FACTOR OF RUSSIA'S FOREIGN POLICY IN THE PATRIOTIC ATTITUDES
OF SIBERIAN STUDENTS AT THE PRESENT STAGE

Dmitry A. Kazantsev

Altai State University, Barnaul, Russia
dimkazanchev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7287-6413>

Abstract. Today, the voice of those who support the foreign policy of the Russian government get louder, as well as those who condemn it, although, to a lesser extent. There is not much information about what the regional youth thinks about Russia's foreign policy at the present stage, especially after the recent adoption of the legal norms of administrative and criminal law. Based on the materials of a survey conducted among high school students in the Siberian Federal District, the author concludes that the consciousness of schoolchildren in grades 9–11 can be characterized by features of both “blind” and “constructive” patriotism. The younger the person, the higher the possibility that they share the values of blind patriotism. On the contrary, the higher the grade, the higher the likelihood of a student to be more critical of patriotism. Thus, the patriotism switches to civic and (or) hybrid type. However, the special military operation launched by Russia in Ukraine in 2022 has changed the course of affairs. Since at present time, according to the survey, the number of supporters of the foreign policy pursued by the Russian Federation has increased compared to the 2020 results, the attitude towards certain patriotic attitudes has also undergone transformations. For example, in 2022, respondents began to identify themselves as Russians more often. They trust public authorities more, as well as consider themselves patriots and feel proud of their country. Nevertheless, if we consider the patriotic attitudes of students through the prism of their support and non-support of Russia's foreign policy, things become ambiguous. On the one hand, a polarization of the school community takes place, and on the other, there is a trend to escape from answering the difficult questions, and from politics at all.

Keywords: patriotism, youth, foreign policy, patriotic values, patriotic attitudes, survey, identity, blind patriotism, constructive patriotism, schoolchildren

Acknowledgments: the text of the article has been prepared within the framework of the project “The patriotic education as a factor of the civic identity formation of senior students in Siberian Federal District regions in the information-oriented society”, RFBR grant No. 20-011-00346.

For citation: Kazantsev D. A. The Factor of Russia's Foreign Policy in the Patriotic Attitudes of Siberian Students at the Present Stage. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 1 (74), pp. 74–78. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_1_74.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

В научной литературе вопрос взаимосвязи патриотизма и внешней политики, а также современных политических конфликтов рассматривается довольно ограниченно.

В фокусе внимания иностранного корпуса исследовательских работ находятся различные стороны обсуждаемой проблемы. Так, Б. Гиббс обращается к опыту преподавания учителями общественных наук детям участников военных конфликтов, в котором первые стараются избегать опасного и спорного содержания своих дисциплин, тем самым формируя чувство «слепого» патриотизма и долга [11]. О возможности формирования патриотизма гражданина-космополита в сложной геополитической обстановке и военной ситуации пишет Э. Гусаков [12]. Предиаторы милитаризма в лице консерватизма, национализма, интернационализма, патриархальности и «слепого» патриотизма разбирают Д. Ф. Макклири, Р. Л. Уильямс [15]. В свою очередь, феномен милитаризации российского общества, укоренённости военной тематики в идентичности граждан, а также усиливающееся на этом фоне идеологическое разногласие между оппонентами обсуждает в своей статье Х. Беккен [10]. Ряд исследователей приходит к выводу, что наличие в обществе эндогенного или экзогенного конфликта может приводить к мобилизации патриотических ресурсов граждан, росту чувства национальной гордости и одобрения ими агрессивной внешней политики [18; 13; 9]. Часть учёных предпринимает попытку анализа патриотических установок силовиков и военнослужащих, отмечая, что данная категория населения всегда имеет повышенный уровень «слепого» патриотизма [16]. Воздействие вида внешней политики и культуры реваншизма на патриотизм рассматривают в своих исследованиях некоторые авторы [17; 14].

Отечественные учёные, как правило, изучают патриотизм не через призму военных и политических конфликтов, а в контексте конфликтов идентичностей [5], межрелигиозных, социально-политических и межнациональных противостояний [6; 7; 1]. Непосредственно о патриотической идентичности населения и его установках в рамках войн или их предотвращения пишет небольшое число авторов [2; 3]. Кроме того, особняком стоят труды, в которых речь идёт о патриотизме и стратегиях политических элит и лидеров при проведении ими внешней политики [8; 4].

Цель данной статьи – определить динамику патриотических настроений учащихся старших классов, проживающих в Сибирском федеральном округе, в условиях проводимой Россией внешней политики на современном этапе. Основная гипотеза исследования заключается в том, что процессы патриотической идентификации учащейся молодёжи носят сложный и многообразный характер, который сопровождается ростом установок «слепого» патриотизма и актуализацией ценностей гражданского патриотизма, что ведёт к усилению поляризации в школьной среде.

Основная часть

Мировосприятие политики учащимися старших классов в контексте оценки ими внешней политики

Данная статья основана на результатах массового опроса учащихся 9–11 классов в Сибирском федеральном округе (далее – СФО), проведённого в две волны: в 2020 и 2022 гг. Объём выборки – 2 050 и 1 050 чел., соответственно; выборка несвязанная квотная с контролем возраста, класса типа населённого пункта и региона проживания. Данные обрабатывались в программе SPSS с применением соответствующих статистических методов. Независимой переменной выступал вопрос: «Как Вы относитесь к внешней политике России на современном этапе?», зависимой – комплекс признаков, описывающих социально-экономическое положение молодых людей, их патриотические установки, ценности, доверие к общественно-политическим институтам, а также мировоззренческую картину мира. Так, респонденты, которые полностью и в основном поддерживают внешнюю политику России на современном этапе, заявляют об улучшении собственного материального положения за текущий год (73,8 %), тогда как информанты, не поддерживающие внешнюю политику государства полностью, в основном сообщают об его ухудшении (66 %). При этом в категории «Не изменилось» преобладают опрошенные поддерживающие внешнеполитический курс российского государства (46 %). В целом молодых людей, которые определяют своё материальное положение, как улучшившееся, стало по сравнению с 2020 г. на 13 % меньше, т. е. 44 и 31 %, соответственно. Вместо этого прибавилась число информантов в категории «Не изменилось». Иными словами, молодёжь испытывает рост пессимистических, адаптационных и, если так можно выразиться, абсентеистских настроений: немногим менее трети из них называют своё материальное положение улучшившимся.

Информанты по-разному определяют интерес к политическим событиям в 2020. и 2022 гг., однако это касается не всех категорий: если говорить об интересе к политическим событиям в мире, то распределение долей здесь не изменилось, но интерес к политическим событиям в России снизился во всей совокупности опрошенных. Число молодых людей, которые интересуются или стали интересоваться политическими событиями в России, снизилось почти на 10 %, их количество в 2022 г. уже составляло 62 %. В целом происходит снижение интереса к новостям в России и определённое «бегство» от политики.

Почти не изменились источники информации, откуда опрошенные черпают сведения о политических событиях. Наиболее используемыми средствами коммуникации для молодёжи по-прежнему являются Интернет (77 %) и социальные сети (85 %), более того, их процентная доля к 2022 г. в общей совокупности незначительно подросла (+8 %). Достаточно значимый рост (8 %) показывают родственники как источник информации о политике. Во многом, как подтверждают данные, это обусловлено тем, что учащиеся 9–11 классов стали обсуждать внешнюю политику с родственниками гораздо чаще. При этом за политическим процессом в мире и России особенно следит молодёжь, полностью и в основном поддерживающая внешнюю политику нынешней власти. Базовым источником информации для сторонников внешней политики РФ выступает центральное телевидение (66,54 %), однако доля тех, кто не разделяет выбранный государством курс внешней политики и в то же время смотрит центральное телевидение, составляет всего лишь 32,12 %. Также стоит отметить, что поддерживающие современную внешнюю политику РФ респонденты слушают радио чаще, чем их оппоненты.

Немаловажным параметром, определяющим мировоззренческую картину мира патриота, выступает совокупность его патриотических установок, а именно то, как он относится к тем или иным идеалам, например свободе, правам человека, справедливости и пр. Интересно, но восприятие респондентами свободы как ценности не отличается в категориях тех, кто поддерживает и не поддерживает внешнюю политику РФ на современном этапе (90 %). Некоторые колебания заметны тогда, когда учащийся, отвечая на вопрос: какие ценности для Вас важны более всего?, – оценивает свободу как очень важный для него идеал, здесь наибольшее число опрошенных (73,92 %) полностью не поддерживает курс внешней политики РФ. В целом и для тех, и для других свобода выступает значимым жизненным ориентиром. Справедливость (91 %) и права человека (93 %) также важны для всех категорий молодёжи независимо от их мнения по поводу проводимой Россией внешней политики. Как бы то ни было, но в 2022 г. усилилась значимость таких ценностей, как порядок (+4 %) и реформы в обществе (+4 %), за ними идут права человека (+7 %), интересы этногрупп (+6 %). Наибольший рост важности при этом показывает ценность «интересы государства» (+8 %). То есть, с одной стороны, регистрируется рост элитистских идеалов в сознании молодёжи (интересов государства, порядка и сохранения традиций), но с другой – большее значение приобретают права человека и реформы в обществе. Между тем, оценка порядка как ценности более важна для обучающихся 9–11 классов, чем в 2020 г., особенно это свойственно респондентам, поддерживающим внешнюю политику России. Реформы в обществе одобряют почти поровну респонденты, как поддерживающие, так и не поддерживающие проводимую страной внешнюю политику. По всей видимости, данное обстоятельство может быть продиктовано разным пониманием феномена реформ в установках опрошенных: одни назовут реформы, которые будут связаны с более элитистским восприятием общества и государства, другие имеют в виду либеральные и демократические трансформации политической системы. Крупное размежевание между обсуждаемыми стратами информантов проявляется при оценке ими такой ценности, как «интересы государства»: тем, кто поддерживает внешнеполитический курс России, интересы государства очень важны и скорее важны, и наоборот, тем, кто не поддерживает внешнюю политику России на современном этапе, интересы государства не важны абсолютно или скорее не важны. Для последних чаще более значимы интересы отдельных граждан, чем государства.

Умеренная связь наблюдается между вопросами: Насколько современная политическая реальность соответствует вашим ожиданиям? и насколько вы поддерживаете внешнюю политику, проводимую Россией на современном этапе? ($\chi^2 = 496$, его статистическая

значимость = <000). Во-первых, выросла доля респондентов, дающих на вопрос: насколько современная политическая деятельность соответствует вашим ожиданиям? Ответ: «Полностью соответствует» и «В основном соответствует», – с 20 до 34 %. Одновременно с этим на 4 % увеличилось количество опрошенных, затруднившихся ответить. Во-вторых, среди молодых людей, поддерживающих или в основном поддерживающих внешнюю политику РФ, распространено отношение к современной российской политической реальности как соответствующей или полностью соответствующей их ожиданиям (90 %). В то же время для информантов, не поддерживающих нынешнее положение вещей во внешнеполитическом курсе России, наблюдается обратная картина: они считают, что политическая действительность России не совпадает с их чаяниями (90 %). По факту, формируется два корпуса учащихся, для которых российская политическая реальность связывается с проведением Россией соответствующей внешней политики.

Опрошенные, в основном и полностью поддерживающие Россию в проведении ею современной внешней политики, обладают повышенным уровнем доверия ко всем общественным и политическим институтам, особенно это касается органов публичной власти: президента, армии, ФСБ, полиции, правительства и премьер-министра. По сравнению с 2020 г. подростки доверяют представителям института, таким как Государственная дума (+17 %) и Совет Федерации (+17 %), а также законодательные собрания регионов (+16 %) и даже местной администрации (+15 %). Создается впечатление, будто бы разные органы власти в сознании учащейся молодежи, поддерживающей внешнюю политику России, сливаются в некую общую государственно-управленческую организацию. Так как молодежь, за редким исключением, плохо представляет себе круг полномочий и особенности работы не только Совета Федерации, Государственной думы, но и местных администраций, законодательных собраний регионов, исключая президента, армию, ФСБ, к которым традиционный уровень доверия всегда высок, то возможно стоит говорить о том, что имеет место условный гравитационный эффект, распространяющийся на властные институции. За счёт того, что представители власти активно формируют информационную повестку по поводу СВО и делают заявления об этом в различных источниках информации, то в сознании опрошенных власть может представляться единым субъектом политики. У респондентов, которые не поддерживают внешнеполитический курс, избранный руководством страны, картина обратная. Во-первых, для них присуще падение доверия ко всем общественным и политическим институтам, в меньшей степени – к волонтерским организациям и движениям. Наибольшее снижение доверия наблюдается как раз-таки к исполнительным органам власти, таким как ФСБ, армия, полиция и президент. Тем не менее, в абсолютном выражении в 2022 г. доверие почти ко всем органам публичной власти выросло. Особенно это касается главы государства и институтов исполнительной власти: так, одобрение деятельности президента увеличилось на 27 %, армии – на 22 %, ФСБ – на 20 %.

Обсуждаемое в статье размежевание в оценке учащимися внешней политики России обнаруживается и в структуре идентичностей респондентов: для этатистов важно ощущать себя россиянами, таких респондентов более 80 %, на противоположном полюсе находятся те, кто не поддерживает курс внешней политики России и для кого общероссийская идентичность менее значима (15–25 %). Идентификация себя с гражданином мира, иначе говоря – космополитом, распространена среди тех, кто не поддерживает проведение избранного властью внешнеполитического курса (50 %). Очевидно, что наблюдается определённый раскол по линии россиянин – сибиряк и гражданин мира. Для первых (тех, кто ассоциирует себя с россиянами) чрезвычайно важно поддерживать внешнюю политику, избранную государством на данный момент. Для тех же, кто чувствует себя космополитом, стремление Российского государства проводить ту внешнюю политику, которую оно избрало, менее важно и в большей степени, как показывает опрос, ими осуждается.

Таким образом, группа молодых людей, демонстрирующих поддержку внешнеполитическому курсу России, проводимому на современном этапе, в целом, выражает стереотипизированные точки зрения и оценки по поводу политического процесса или, говоря формальным языком, является представителями так называемого «слепого патриотизма». В свою очередь, вторая группа учащихся, которая чаще говорит об отказе в поддержке внешнеполитического курса России, выступает сторонниками «конструктивного» патриотизма не только в ценностях, но и в поведении, что согласуется с выводами, полученными Х. Беккен [10].

Патриотические установки школьников через призму оценки ими внешней политики

Отвечая на вопрос «Что для Вас значит быть патриотом?», большинство молодых людей, которые поддерживают действующий внешнеполитический курс, выбрали тезис о любви к своей родине, затем указывали празднование исторических событий, юбилеев, возможность ругать всё зарубежное, необходимость работать и действовать во благо и процветание страны, защищать свою страну от любых нападков. В гораздо меньшей степени они согласны с мнением о том, что говорить о своей стране нужно правду, какой бы горькой она ни была, также они чаще других категорий опрошенных считают, что страна, в которой они проживают, лучше, чем другие, и у неё нет недостатков. В 2022 г. опрошенные стали чаще называть такие критерии патриота, как любовь к своей стране (77 vs 68 %), работа и действия во благо своей страны (56 vs 39 %), стремление к изменению положения дел (52 vs 45 %), защита от нападков на свою страну (26 vs 37 %). Процент информантов здесь вырос на 9, 17, 7 и 11 %, соответственно. Среди тех, кто не поддерживает внешнюю политику России, данные ответы распространены реже как 85 на 68 %, соответственно. Вновь можно заметить, что сторонники текущего курса страны во внешней политике чаще называют стереотипизированные представления о патриотизме, что является свидетельством в пользу преобладания в их сознании «слепого» патриотизма. Вторая же категория молодых людей в основном рассуждает о стремлении к изменению положения дел в государстве. Реже чем их оппоненты соглашались, что свою страну необходимо защищать от любых нападков и обвинений, при этом считают: говорить о своей стране нужно любую правду, какой бы горькой она ни была. Они не поддерживают мнение, согласно которому их страна лучше, чем другие, и у неё нет никаких недостатков ($\chi^2 = 211$; его статистическая значимость = <0,0000).

Кроме того, поддерживающие внешнеполитический курс России, в отличие от не поддерживающих его, считают, что патриотизм в качестве поведенческой модели гражданина не соотносится с желанием человека переехать в другую страну – таких 50 и 30 %, соответственно. То же самое можно сказать и в отношении уклонения от службы в армии: те, кто поддерживают внешнюю политику, считают уклонение от службы в армии не соответствующим поведению патриота; те, кто не поддерживают, считают уклонение от службы в армии вполне совпадающим с патриотическими ценностями. Подобное распределение характерно не только для желания переехать в другую страну и уклонения от службы в армии, но и для знания государственной символики, в меньшей степени для уклонения от уплаты налогов, наличия счётов и имущества за рубежом, а также отказа от участия в выборах. Различия между исследуемыми стратами молодых людей вновь обнаруживаются в таких действиях гражданина, как публичное высказывание мнения не совпадающего с точкой зрения государства: те, кто не поддерживает спецоперацию считают, что публичное высказывание мнения, которое не совпадает с точкой зрения государства полностью или в основном соответствует патриотизму; те же, кто поддерживает, имеют обратное мнение, это же касается наличия второго гражданства, работы в иностранной фирме и в особенности критики власти. Готовые критиковать власть своей страны чаще не согласны с внешним политическим курсом России на современном этапе, и наоборот, те, кто поддерживает, критику власти считают непатриотичным актом гражданина. Интересно, но поддержка перемен в обществе и поддержка реформ в государстве не имеет столь значимого размежевания между указанными полюсами мнений. И те, и другие в целом одобряют перемены, однако скорее всего понимают их по-разному.

Между тем, что для одних, что для других, патриотизм – это глубоко личное чувство, и его нельзя навязывать людям, потому как человек сам должен определять, что патриотично, а что нет (72 % в 2022 г. против 61 % в 2020 г.). Впрочем информанты, не поддерживающие внешнюю политику России, высказывают это соображение чаще, чем респонденты, поддерживающие Россию в её геополитических устремлениях. О патриотизме, который надо воспитывать в семье и школе, а также пропагандировать его в средствах массовых коммуникациях, заявляют молодые люди, поддерживающие проведение Россией курса внешней политики. Они же положительно или скорее положительно относятся к введению обязательного патриотического воспитания в школах и вузах. Как бы то ни было, но в основной массе учащиеся 9–11 классов относятся к обязательности введения патриотического воспитания в школах отрицательно (45 %) или затрудняются ответить (30 %). В 2020 г. положительно к этому относились 11 % человек, а уже в 2022 г. их число снижается до 6,4 %.

На прямой вопрос «Считаете ли вы себя патриотом?» указанные категории респондентов вновь разделились. Здесь стоит отметить умеренную или сильную связь между первой переменной и поддержкой внешнеполитического курса России ($\chi^2 = 239$, его статистическая значимость = <000). Те, кто одобряет проведение специальной военной операции, чаще других называют себя патриотами, и наоборот, среди тех, кто не одобряет внешний курс России на современном этапе распространены информанты, которые не считают себя патриотами. Поэтому численность респондентов, которые отождествили себя как патриоты, в 2022 г. выросла на 22 % по сравнению с 2020 г. (62 против 40 %). Сегодня и те, и другие чаще именуют себя патриотами, так как внешняя политика стала определённого рода катализатором для выражения межличностного мнения и в дискуссиях, в том числе публичных. Это значит только то, что они иначе понимают патриотизм.

При этом опрошенные по-разному оценивают уровень патриотических настроений в своём окружении за последние месяцы: так, те, кто полностью или в основном поддерживает курс внешней политики, указывают на то, что уровень патриотических настроений в их окружении значительно или несколько увеличился. С ними не согласны критикующие решения власти: по их мнению, уровень патриотизма в их ближайшем кругу несколько уменьшился или не изменился.

Поэтому вполне закономерно, по мнению информантов, полностью и в основном поддерживающих внешнеполитический курс России, что Россия была и остаётся великой, – таковых 90 и 80 % против 26 и 10 %, соответственно, в ряду полностью и в основном не поддерживающих проведение текущей внешней политики. Учащаяся молодёжь из последней категории определяет Российскую Федерацию государством, которое перестало быть великой державой и не сможет им стать, а также никогда им не было и вряд ли им станет. Кроме того, такие респонденты чаще всего затрудняются оценить положение России в современном мире.

Тема, которая продемонстрировала наибольшее из всех возможных размежеваний по данным анкетирования, оказалась связана с чувством гордости опрошенных за свою страну (55 против 58 %). Здесь респонденты разделились на кластеры наиболее категорично. Обучающиеся, которые поддерживают существующее положение дел, заявили о сильном росте гордости за свою страну, описывая данное обстоятельство в терминах «значительно увеличилось» или «несколько увеличилось» (55 %). Отсутствие поддержки курса внешней политики РФ сопряжено для респондентов с их низким уровнем гордости за своё государство. Можно утверждать, что учащиеся, поддерживающие внешнюю политику РФ, гордятся Родиной и, судя по всему, свободно выражают это ощущение в публичном пространстве, находя институциональную поддержку не только в официальном дискурсе, но и в образовательном пространстве, например среди учителей и наставников, о чём пишет ряд зарубежных авторов [18; 13; 9]. Другие же испытывают чувство фрустрации за нынешнее положение дел и стараются не только высказывать обратное мнение, делая это предельно аккуратно, но в то же время всё больше придерживаются стратегии молчания, что иллюстрируется увеличивающимся количеством затруднившихся ответить на те или иные вопросы. Так или иначе респонденты в условиях ужесточения правовой ответственности за содержание своих высказываний стараются скрывать своё мнение или избегают ответа на столь сложные вопросы, что является вполне значимым фактором (21 %).

Выводы

Проведение Россией специальной военной операции на Украине в 2022 г. стало для общества, в том числе для обучающейся молодёжи, своего рода катализатором, подтолкнувшим молодых людей к процессам, которые, с одной стороны, привели к кристаллизации их этических и националистских установок и соответствующего политического поведения, с другой – к поляризации точек зрения на один и тот же феномен.

С переходом из 9 в 10 и далее из 10 в 11 классы «слепой» патриотизм и его установки в сознании школьника трансформируются, приобретая черты «конструктивного» или «критического» патриотизма. Таким образом учащиеся к 10–11 классу демонстрируют более выраженные установки на конструктивный патриотизм и соответствующее патриотическое поведение, не теряя при этом элементов «слепого» патриотизма. Они чаще сомневаются в идеологизированных патриотических установках, выступают за критику власти, реже одобряют современную внешнюю политику России. Подобные тенденции являются устойчивыми и повторяются на первую волну опросов, проводимых коллективами исследователей не только на региональном, но и на всероссийском уровнях.

В то же время в корне неверным станет заключение, согласно которому специальная военная операция не привела к каким-либо изменениям в сознании молодых информантов. В целом 5–15 % опрошенных из тех, кто поддерживает внешнюю политику России на современном этапе, но ранее затруднялся идентифицировать себя как патриота или (и) не мог называть ценности, являющиеся патриотическими, или (и) не рефлектировал над данным вопросом, или (и) вовсе старался скрывать свой взгляд по тем или иным причинам, стали активнее выражать своё мнение, поскольку получили информационную и, что более важно, институциональную поддержку в рамках реализации текущей политики. Вместе с тем, из-за снижения уровня деятельностного патриотизма, выраженного в уменьшении процента участников патриотических мероприятий, правильным будет утверждать, что рост патриотических настроений может носить всего лишь характер деклараций, не перерастающих в конкретные поведенческие практики.

В свою очередь, информанты, не поддерживающие действующий внешнеполитический курс РФ ввиду принятия государством довольно жёстких норм права, регулирующих содержание информационных потоков, а также по иным менее очевидным причинам, стали чаще скрывать свои истинные представления и реже, а также менее активно их выражать, что отражается в росте числа респондентов, затрудняющихся ответить на тот или иной вопрос. Кроме того, количество и качество конфликтов, с которыми может столкнуться современная школа в ближайшее время возрастёт, что актуализирует проблему поиска новых форматов и смыслов в диалоге с молодёжью по выработке общего образа будущего.

Список литературы

1. Вагина, В. О. Патриотизм vs национализм в современном российском обществе / В. О. Вагина // *Caucasian Science Bridge*. – 2021. – Т. 4, № 2 (12). – С. 155–159. doi: 10.18522/2658-5820.2021.2.15.
2. Гулевич, О. А. Вера в справедливый мир, гражданская идентичность и социальная установка по отношению к войне (на примере гражданской войны в Сирии) / О. А. Гулевич, Е. А. Некрасова, А. Н. Неврюев // *Психологический журнал*. – 2018. – Т. 39, № 4. – С. 17–26. doi: 10.31857/S020595920000066-8.
3. Каримов, Я. А. Воспитание патриотических чувств граждан в целях недопущения мировых войн / Я. А. Каримов, С. В. Шерманова // *Вооружённые конфликты: предпосылки, последствия, правовые основы предупреждения и урегулирования* : мат-лы IV межвуз. науч.-практ. конф. на английском языке. – Москва : Международный юрид. ин-т, 2019. – С. 228–235.
4. Киселев, И. Ю. «Конструктивный» и «слепой» патриотизм как факторы восприятия результатов проводимой лидером внешней политики / И. Ю. Киселев, А. Г. Смирнова // *Новая парадигма организационного управления в условиях вызовов XXI века (к 95-летию Л. И. Уманского)* : монографич. мат-лы Всерос. симпозиума (г. Кострома, 27–29 октября 2016 г.). – Кострома : Костромской гос. ун-т, 2016. – С. 117–124.
5. Козырев, Г. И. Патриотизм и антипатриотизм как причины конфликта идентичностей в современном российском обществе / Г. И. Козырев // *Социология*. – 2020. – № 2. – С. 128–142.
6. Курносос, К. В. Влияние патриотизма на предотвращение социально-политических конфликтов в современной России / К. В. Курносос // *Экономика и управление: проблемы, решения*. – 2020. – Т. 3, № 7. – С. 108–113. doi: 10.34684/ek.up.p.r.2020.07.03.013.
7. Пуликовский, С. К. Дискурс патриотизма в политическом процессе современной России / С. К. Пуликовский // *Южно-российский журнал социальных наук*. – 2020. – Т. 21, № 4. – С. 71–85. doi: 10.31429/26190567-21-4-71-85.
8. Храброва, К. Г. Патриотические установки как фактор генерирования внутриполитических потерь лидера / К. Г. Храброва // *Теории и проблемы политических исследований*. – 2016. – Т. 5, № 5А. – С. 241–248.
9. Ariely, G. Why does patriotism prevail? Contextual explanations of patriotism across countries / G. Ariely // *Identities*. – 2017. – Vol. 24, № 3. – P. 351–377. doi: 10.1080/1070289X.2016.1149069.

10. Bækken, H. Patriotic disunity: limits to popular support for militaristic policy in Russia / H. Bækken // *Post-Soviet Affairs*. – 2021. – Vol. 37, № 3. – P. 261–275. doi: 10.1080/1060586X.2021.1905417.
11. Gibbs, B. Patriotism, Pressure, and Place: Civic Agency in Base Country / B. Gibbs // *Peabody Journal of Education*. – 2019. – Vol. 94, № 1. – P. 97–113. doi: 10.1080/0161956X.2019.1553584.
12. Gusacov, E. Am I or can I be a citizen of the world? Examining the possibility of cosmopolitan-patriotic education in Israel / E. Gusacov // *Ethics and Education*. – 2019. – Vol. 14, № 2. – P. 213–226. doi: 10.1080/17449642.2019.1587683.
13. Huiskamp, G. "Support the Troops!": The Social and Political Currency of Patriotism in the United States / G. Huiskamp // *New Political Science*. – 2011. – Vol. 33, № 3. – P. 285–310. doi: 10.1080/07393148.2011.592020.
14. Kratochvil, P. The Patriotic Turn and Re-Building Russia's Historical Memory: Resisting the West, Leading the Post-Soviet East? / P. Kratochvil, G. Shakhanova // *Problems of Post-Communism*. – 2021. – Vol. 68, № 5. – P. 442–456. doi: 10.1080/10758216.2020.1757467.
15. McCleary, D. F. Sociopolitical and Personality Correlates of Militarism in Democratic Societies, Peace and Conflict / D. F. McCleary, R. L. Williams // *Journal of Peace Psychology*. – 2009. – Vol. 15, № 2. – P. 161–187. doi: 10.1080/10781910902837248.
16. Prebilič, V. The Slovenian Armed Forces and Patriotism / V. Prebilič, J. Juvan // *Diplomacy & Statecraft*. – 2019. – Vol. 30, № 1. – P. 99–117. doi: 10.1080/09592296.2019.1557418.
17. Richardson, P. B. Geopolitical cultures, pragmatic patriotism, and Russia's disputed islands / P. B. Richardson // *Eurasian Geography and Economics*. – 2018. – Vol. 59, № 1. – P. 7–27. doi: 10.1080/15387216.2017.1421474.
18. Sahar, G. Patriotism, Attributions for the 9/11 Attacks, and Support for War: Then and Now / G. Sahar // *Basic and Applied Social Psychology*. – 2008. – Vol. 30, № 3. – P. 189–197. doi: 10.1080/01973530802374956.

Reference

1. Vagina, V. O. Patriotizm vs natsionalizm v sovremenom rossiyskom obshchestve [Patriotism versus nationalism in the elite Russian society]. *Caucasian Science Bridge*. 2021, no. 2 (12), pp. 155–159. doi: 10.18522/2658-5820.2021.2.15.
2. Gulevich, O. A., Nekrasova, E. A., Nevryuev, A. N. Vera v spravedlivyy mir, grazhdanskaya identichnost i sotsialnaya ustanovka po otnosheniyu k vojne (na primere grazhdanskoj vojny v Sirii) [Belief in a just world, national identity, and military attitudes: the case of syria war]. *Psichologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 2018, vol. 39, no. 4, pp. 17–26. doi: 10.31857/S020595920000066-8.
3. Karimov, Ya. A., Shermazanova, S. V. Vospitanie patrioticheskikh chuvstv grazhdan v tselyakh nedopushcheniya mirovykh voyn [Education of citizens' patriotic feelings for preventing world wars]. *Vooruzhennyye konflikty: predposylki, posledstviya, pravovyye osnovy preduprezhdeniya, protivodeystviya i uregulirovaniya* [Armed conflicts: prerequisites, consequences, legal framework for prevention, counteraction and settlement]. Moscow: International Law Institute; 2019, pp. 228–235.
4. Kiselev, I. Yu., Smirnova, A. G. "Konstruktivnyy" i "slepoy" patriotizm kak faktory vospriyatiya rezultatov provodimoy liderom vneshney politiki ["Constructive" and "blind" patriotism as perception's factors of the results of leader's foreign policy]. *Novaya paradigma organizatsionnogo upravleniya v usloviyakh vyzovov XXI veka (k 95-letiyu L. I. Umanskogo)* [A new paradigm of organizational management in the face of the challenges of the XXI century (to the 95th anniversary of L. I. Umansky)]. Kostroma: Kostroma State University; 2016, pp. 117–124.
5. Kozyrev, G. I. Patriotizm i antipatriotizm kak prichiny konflikta identichnostey v sovremenom rossiyskom obshchestve [Patriotism and anti-patriotism as the causes of the conflict of identities in modern Russian society]. *Sotsiologiya* [Sociology]. 2020, no. 2, pp. 128–142.
6. Kumosov, K. V. Vliyaniye patriotizma na predotvrashcheniye sotsialno-politicheskikh konfliktov v sovremennoy Rossii [Influence of patriotism on prevention of social and political conflicts in modern Russia]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya* [Economics and management: problems, solutions]. 2020, vol. 3, no. 7, pp. 108–113. doi: 10.34684/ek.up.p.r.2020.07.03.013.
7. Pulikovskiy, S. K. Diskurs patriotizma v politicheskom protsesse sovremennoy [The discourse of patriotism in the political process of modern Russia]. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsialnykh nauk* [South Russian Journal of Social Sciences]. 2020, vol. 21, no. 4, pp. 71–85. doi: 10.31429/26190567-21-4-71-85.
8. Khrabrova, K. G. Patrioticheskie ustanovki kak faktor generirovaniya vnutripoliticheskikh poter lidera [Patriotic attitude as factor of generation of internal political losses of leader]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and problems of political research]. 2016, vol. 5, no. 5A, pp. 241–248.
9. Ariely, G. Why does patriotism prevail? Contextual explanations of patriotism across countries. *Identities*. 2017, vol. 24, no. 3, pp. 351–377. doi: 10.1080/1070289X.2016.1149069.
10. Bækken, H. Patriotic disunity: limits to popular support for militaristic policy in Russia. *Post-Soviet Affairs*. 2021, vol. 37, no. 3, pp. 261–275. doi: 10.1080/1060586X.2021.1905417.
11. Gibbs, B. Patriotism, Pressure, and Place: Civic Agency in Base Country. *Peabody Journal of Education*. 2019, vol. 94, no. 1, pp. 97–113. doi: 10.1080/0161956X.2019.1553584.
12. Gusacov, E. Am I or can I be a citizen of the world? Examining the possibility of cosmopolitan-patriotic education in Israel. *Ethics and Education*. 2019, vol. 14, no. 2, pp. 213–226. doi: 10.1080/17449642.2019.1587683.
13. Huiskamp, G. "Support the Troops!": The Social and Political Currency of Patriotism in the United States. *New Political Science*. 2011, vol. 33, no. 3, pp. 285–310. doi: 10.1080/07393148.2011.592020.
14. Kratochvil, P., Shakhanova, G. The Patriotic Turn and Re-Building Russia's Historical Memory: Resisting the West, Leading the Post-Soviet East? *Problems of Post-Communism*. 2021, vol. 68, no. 5, pp. 442–456. doi: 10.1080/10758216.2020.1757467.
15. McCleary, D. F., Williams, R. L. Sociopolitical and Personality Correlates of Militarism in Democratic Societies, Peace and Conflict. *Journal of Peace Psychology*. 2009, vol. 15, no. 2, pp. 161–187. doi: 10.1080/10781910902837248.
16. Prebilič, V., Juvan, J. The Slovenian Armed Forces and Patriotism. *Diplomacy & Statecraft*. 2019, vol. 30, no. 1, pp. 99–117. doi: 10.1080/09592296.2019.1557418.
17. Richardson, P. B. Geopolitical cultures, pragmatic patriotism, and Russia's disputed islands. *Eurasian Geography and Economics*. 2018, vol. 59, no. 1, pp. 7–27. doi: 10.1080/15387216.2017.1421474.
18. Sahar, G. Patriotism, Attributions for the 9/11 Attacks, and Support for War: Then and Now. *Basic and Applied Social Psychology*. 2008, vol. 30, no. 3, pp. 189–197. doi: 10.1080/01973530802374956.

Информация об авторе

Казанцев Д. А. – аспирант.

Information about the author

Kazantsev D. A. – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 30.12.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 30.01.2023.

The article was submitted 30.12.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 30.01.2023.